МИСТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ-ДЕТЕКТИВ

ЮРИЙ ШЕЛЯКИН

ПУСТОЙ НОМЕР

Юрий Шелякин

Пустой номер

https://litres.ru/74708293
SelfPub; 2026

Аннотация

Гештальт-детектив. Механика: исполненный реализм.

В Затуринске за сорок лет закрыли все дела — и не раскрыли ни одного. Причину всякий называет свою; на месте виновного в бумагах стоит пробел — ровный, отлитый вместе с буквами. Так было всегда. Никто не спрашивал почему.

Газета выходит по четвергам. Гудок — в восемь. Хлеб — в среду и в пятницу. Город живёт по расписанию, и расписание не опаздывает.

Пока не приехала Дина Веретенникова. В её бумагах написано «следователь», в городе — «участковый»; разбираться не стали. Она тоже не начинает допрашивать — она начинает считать: дела, причины, мотивы. И счёт сходится слишком хорошо, чтобы быть правдой. Потому что здесь не расследуют. Здесь печатают — и напечатанное сбывается.

Книга о городе, где закрыть не значит раскрыть. Дальше — только счёт.

Содержание

Предисловие. Что обещано читателю 4
Глава первая. Журнал учёта 6
Глава вторая. Пекарня 13
Глава третья. Свежий номер 18
Глава четвёртая. Свобода 23
Глава пятая. Пустышки 28
Глава шестая. Семнадцать причин 33
Глава седьмая. Внимание к бумагам 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Пустой номер

Предисловие. Что обещано читателю

Перед вами не детектив в привычном смысле. Здесь нет сыщика, который в финале укажет пальцем, — и нет преступления, которое можно закрыть, назвав имя. Здесь есть город, в котором за сорок лет закрыли все дела и не раскрыли ни одного; следователь, который вместо допросов ведёт счёт; и газета, выходящая по четвергам.

Эта книга — расследование с соучастником. Вами. Такт книги шагает по строкам ведомости, где слова идут счётом, а возврат — сверкой.

Все правила игры выданы заранее. Ничто не спрятано за авторской волей: если героиня что-то считает — вы можете пересчитать; если в строке стоит пробел — он стоит для вас; если заметка и город сошлись — вы имели возможность проверить раньше неё. Честная игра (*fair play*) здесь не обещание, а конструкция: книга собрана так, чтобы её можно было пересчитать, как ведомость. Главы идут не по календарю, а по ведомости: счёт ведёт не дата, а номер.

С каким вопросом входить? С единственным, который героиня записывает в первый вечер: почему в Затуринске всё

закрывается — и не раскрывается ничего. А сверяя, прислушайтесь к тому, что вы на самом деле ищете: не имя виновного, а того, кто решает, что пойдёт в номер. Запомните формулу, которая звучит в книге на каждом шагу: закрыть не значит раскрыть.

Дальше — только счёт.

Добро пожаловать в Затуринск. Газета выходит по четвергам.

Глава первая. Журнал учёта

Автобус из Екатеринбурга приходил в Затуринск в шестнадцать двадцать — единственное, что Дина знала об этом городе до того, как в нём оказалась.

Вокзала не было. Была площадка под навесом, на навесе — расписание, приклеенное на четыре капли клея, и в расписании одно слово, выцветшее до белого: «ежедневно». Клей держал столько, сколько держат вещи, которые нечем заменить: бумагу успело выбелить солнце и выстудить мороз, и под словом «ежедневно» виднелся след года, который стёрло время. Дина посмотрела на часы на руке. Часы шли. В этом городе, как ей ещё предстояло узнать, это была редкость.

Над площадкой висели часы без стрелок: не сломанные, а отставленные. Кто-то когда-то снял с них стрелки, чтобы они не спорили с расписанием.

От площадки до отделения Дина насчитала двести сорок шагов. Возможно, раньше здесь считали иначе. Пока Дина просто шла и считала.

Отделение помещалось в одноэтажном доме с двумя окнами и крыльцом в три ступени. В сенях пахло мокрой шинелью и мастикой. В кабинете сидел человек в кителе, который был ему велик ровно на размер, и заполнял журнал. Китель сидел на нём так, как сидит вещь, пережившая своего

владельца — и перешедшая по наследству.

— Подрезов, — сказал человек, не вставая. — Начальник отделения. Распишитесь.

Журнал учёта лежал открытым на середине. Страница была расчерчена от руки; графы вело несколько человек и несколько десятилетий: почерк менялся трижды. Дина посмотрела на строки, и ей показалось, что почерки переходят один в другой без границы — так время переходит из года в год, не спрашивая у тех, кто его ведёт. Ручка висела на цепочке, привинченной к столу шурупом. Шуруп вошёл в дерево так давно, что дерево успело зарасти вокруг него: казалось, ручка была прибита к столу ещё до того, как журнал начали.

Дина расписалась.

— Работы у вас будет мало, — сказал Подрезов, закрывая журнал. — Город тихий.

— Тихий — это хорошо.

— Не то слово. У нас всё закрывается.

Он произнёс это так, как говорят «у нас водопровод круглый год»: не тайну, а достижение.

— А раскрывается?

Подрезов переспросил — не переспросил, а повторил слово целиком, будто оно было нерусским. Потом усмехнулся:

— К чему? У нас всё закрывается.

Он выдвинул ящик, достал папку.

— Веретенникова Дина Сергеевна. Тридцать шесть.

— Тридцать шесть.

— Следователь.

— Участковый.

— Написано «следователь».

— Написано.

Подрезов листал не быстро. На третьем листе он остановился, прочёл строку и читать дальше не стал.

— Тут у вас…

— Тут у меня, — сказала Дина.

Он посмотрел на неё поверх папки, потом на папку.

— Ну. Всякое бывает.

Он поставил галочку на полях, закрыл папку и убрал её в ящик.

— Ключи получите на первом этаже. Комната над пекарней, Пелагея Ивановна покажет. Сводку сдаёте по вторникам, в редакцию, три листа, происшествия, без фамилий. Так заведено.

— Хорошо.

— Они там любят, когда пишут. Может, и про вас напишут.

— Без комментариев, — сказала Дина.

Подрезов не понял, но кивнул.

Дина осмотрелась и спросила, где архив.

Шкаф с подшивками стоял в кабинете за дверью, за которой не было комнаты: пятая дверь в коридоре, и за ней — стена и шкаф.

— Это что? — спросила Дина.

— Подшивки. — Подрезов даже не повернулся. — Мы им поставляем, они нам присылают. Для отчётности.

— За сколько лет?

— За все.

Ключ лежал в верхнем ящике, в жестянке из-под чая, вместе с тремя другими, назначение которых никто не помнил. Ключи пережили свои двери: двери заколотили, замки сняли, а ключи остались — время не забирает того, что ему не принадлежит.

Подшивок было тридцать девять. Каждая — год, прошитый по корешку, с биркой на форзаце. Номера этого года лежали россыпью, ожидая своего времени. Пыль на подшивках лежала ровным слоем своего срока: возраст читался по ней, как по кольцам, — верхний год блестел, нижний уже не отдавал цвета.

Дина взяла первую и открыла на середине.

Заметки были короткие и одинаковые, как платёжки. Дворник — статья 112, дело закрыто. Дорожное — статья 264, дело закрыто. Кража на лесопункте — дело закрыто. Дина листала быстро, потому что листать было нечего: текст не менялся за возраст, менялись только фамилии, и то не всегда. Даты в заметках стояли без годов — одни числа: город не называл года, как не называл имён.

К третьей подшивке Дина перестала читать и начала считать.

Дел — шестьсот восемьдесят четыре.

Закрыто — шестьсот восемьдесят четыре.

Оправдано — ноль.

Апелляций — ноль.

В иные годы — по три-четыре в неделю, в иные — ни одного.

Слово «мотив» не встретилось ни разу. Дина проверила и это: пролистала заново и искала глазами, отдельно, по всем подшивкам. Не встретилось. Дина прикинула: за весь срок ни одного слова, которое спрашивает «зачем». Время в Затуринске не спрашивало. Оно только закрывало.

Потом Дина пересчитала всё вручную — каждую десятую страницу, карандашом, на обороте старого бланка, потому что счёт по штампам ничего не значит, если штампы ставил один человек.

Счёт сошёлся.

Дина отложила карандаш и некоторое время сидела неподвижно.

Фамилии в заметках стояли не всегда. Когда стояли — сокращённо: «гр. С.», «гр. П.», и почти всегда без имени.

Но чаще на месте фамилии был пробел.

Он был не такой, какой оставляет рука, поленившаяся дописать. Он был отлит в строке вместе с остальными буквами: шириной с букву, ровный по высоте, одинаковый во всех заметках. Дина приложила страницу восемьдесят седьмого года к странице прошлого месяца и посмотрела на просвет.

Пробелы совпали.

Сквозь бумагу Дина видела, как все годы легли друг на друга, строка в строку, — время в городе печаталось одинаково, одно и то же в каждом году. Дина подумала, что так писали из осторожности, — и проверила. В заметках о награждениях, о юбилеях, о приёме в школу фамилии стояли полностью, с инициалами, иногда с должностью. Осторожность так не работает: осторожность прячет неудобное, а не человека.

Пробел стоял везде, где человека называли в происшествиях.

* * *

В комнате было семь вещей: стол со стулом, кровать, шкаф и телевизор на стене. Чайник Дина нашла в шкафу и там же газету, телевизор включила — он не ловил ничего, кроме ряби, и рябь шла ровно, как дождь по стеклу. Рябь была единственным, что в этой комнате двигалось: время здесь текло по экрану, ровно, без событий, и не было в нём ни новостей, ни часов. Чайник кипел долго — дольше, чем мог бы, будто и у него был свой график.

Свои вещи Дина не разбирала. Поставила сумку в угол, села на кровать и просидела так, пока за окном не стало совсем темно. Темнота пришла не по часам, а сама, когда сочла нужным, — как всё в этом городе приходило по своим,

неведомым расписаниям.

Дина вернулась в комнату, достала тетрадь и записала:

«Затуринск. Всё закрывается».

Подумала и дописала:

«Не раскрывается».

Слово «ничего» Дина не стала вписывать: оно было бы неправдой. Неправдой было бы и обратное. Дина закрыла тетрадь, положила её на стол и легла, не раздеваясь. Часы на запястье Дина так и не сняла — они шли точно: единственное время, которое в этом городе принадлежало ей.

За все годы в Затуринске закрылось всё. Не раскрылось ничего.

Глава вторая. Пекарня

Вечером пришла Пелагея Ивановна — в фартуке, пропахшем мукой, с ключом на кольце из проволоки.

— Комната моя рядом. Снизу — пекарня. Печь к пяти, первая партия к семи. Тепло в пол идёт, не пугайтесь.

— Не испугаюсь.

— Хлеб по расписанию: в среду подовый, в пятницу с изюмом. Вода в колонке во дворе, до одиннадцати. Остальное — как у всех.

Она говорила это так, как говорят о расписании поездов: время здесь было не тем, что измеряют, а тем, что соблюдают. Хлеб знал свой день; вода знала свой час; печь вставала к пяти, потому что так было заведено раньше, чем Пелагея Ивановна научилась вставать.

В восемь за рекой пропел гудок. Пелагея Ивановна послушала, докатился ли.

— Смена, — сказала Дина. — Ровно в восемь.

Три слова — и три раза слово о времени. Дина запомнила это, сама не зная зачем: город говорил про часы чаще, чем про людей.

— А если гудок опоздает? — спросила Дина, чтобы спросить.

— Не опаздывает, — сказала Пелагея Ивановна. — Он не опаздывает, и мы не опаздываем. Так заведено.

Утром Дину разбудил запах. Пол под кроватью был тёплый — пекарня работала снизу, и тепло шло в половицы. Дина не помнила, чтобы когда-нибудь ещё её будил запах: в Екатеринбурге будильник, в Затуринске — хлеб. Город просыпался не по звонку, а по запаху, и очередь уже стояла, потому что очередь тоже знала своё время.

Очередь начиналась от крыльца и заворачивала за угол. Дина встала двенадцатой и насчитала перед собой одиннадцать человек. Улица молчала: слышна была только очередь. Люди стояли так, как стоят в очереди, которой сорок лет: не толкаясь, не торопясь — время здесь не подгоняло, оно терпело.

— Дальше, — говорила Пелагея Ивановна, и очередь двигалась. — По два. Кто за вторым?

На прилавке, у весов, лежала стопка «Затуринской хроники», перевязанная бечёвкой. Дина хлеб взяла — газету не взяла. Дина посмотрела на стопку и увидела, что бечёвка перевязана дважды: один раз утром, один раз много лет назад, — узел поверх узла, и нижний уже врос в бумагу. Время вязало свои узлы на чужой работе.

Впереди женщина с авоськой спросила:

— Пелагея Ивановна, а автобус в Сосновку?

— В восемь сорок. И в пять двадцать.

— В Сосновке всё быстрее, — сказала женщина с авоськой.

— В Сосновке и хоронят, — сказала женщина в платке.

— У нас никто не умирает, — сказала вторая.

— Окончательно, — сказал старик в бушлате.

Никто не улыбнулся. Очередь двигалась. Дина повторила про себя: «У нас никто не умирает». Дина уже догадалась, что здесь ничего не оканчивается — даже слова. Они стояли в очереди за хлебом, и старик сказал это так, как говорят о морозе: сводкой, а не мыслью.

Когда Дина взяла хлеб, женщина в платке повернулась к ней:

— С приездом.

И поправилась:

— То есть с пропиской.

За заморозок лужа у крыльца стала льдом. Над Тихой стоял туман — реки не было видно, только туман, и из тумана дул холод в лицо. Фонарей на набережной было шесть, горели пять. Шестая лампа, у моста, мигала: загоралась, гасла, снова загоралась. Дина досчитала мигания до двенадцати и перешла мост. Дина посмотрела на фонарь — он мигал не как сломанный, а как считающий: на свой лад он отсчитывал что-то своё, в такт чему-то, чего город не показывал. Ей пришло в голову, что у фонаря, может быть, расписание, как у всего здесь, — только его никто не вывесил.

По мосту прошла колонна лесовозов — семь машин. Восьмая шла порожняя.

Хлеб в отделение Дина донесла тёплым.

* * *

В пекарне, когда Дина возвращалась вечером, висели часы. Дина заметила их впервые: круглый циферблат, трещина через стекло, идут. В городе, где хлеб знал свой день, а гудок — свой час, часы на стене шли сами по себе, будто им нечего было согласовывать.

— Они правильные? — спросила Дина у Пелагеи Ивановны.

— Которые? — сказала та, не оборачиваясь.

Дина не переспросила. «Которые» — слово, из которого Дина скоро выучит: здесь у времени были не часы, а смены, партии, четверги. Часы на стене шли — но шли для себя. Город сверялся по-другому: по запаху, по гудку, по очереди.

У себя в комнате Дина впервые за вечер посмотрела на свои часы. Они шли. Дина сняла их и положила на стол рядом с тетрадью — не потому, что не верила им, а потому, что в этом городе ей, кажется, предстояло вести другое время. Тетрадь лежала закрытая. Часы лежали рядом. Оба молчали, каждый о своём.

Её разбудил гудок: смена, ровно в восемь — но было темно, и Дина не сразу поняла, который час. Дина посмотрела на часы: половина девятого. Гудок пропел поздно — или раньше, Дина не разобрала. Дина полежала, слушая, как затихает над рекой звук, и подумала: в городе, где всё по распи-

санию, даже сбой звучит по-своему, будто у него тоже есть своё, необъявленное время.

Утром Пелагея Ивановна сказала, не оборачиваясь:

— Гудок вчера опоздал. На полчаса.

— Это бывает?

— У нас — нет. — Пелагея помолчала. — Но бывает.

Дина захотела записать в тетрадь, хотя ещё не знала зачем, и куда: «Гудок опоздал на полчаса. Впервые. Город заметил». Строка легла рядом с «Не раскрывается» в тетради, тем же вечером, будто город начинал вести для неё свой учёт.

Глава третья. Свежий номер

Вечером шестого дня гудка не было. Печь работала по своему расписанию, и тепло в пол шло так же.

Гудок молчал, и в этом молчании Дина впервые услышала, как много значит здесь то, что происходит по расписанию: завода не было — и день пошёл иначе, хотя печь пекла, вода текла, очередь стояла. Город жил не событиями, а сроками. Срок простоял — и день прошёл, как не случившийся.

Газету Дина купила у Пелагеи Ивановны, при хлебе.

— Двадцать пять, — сказала Пелагея Ивановна. — Выходят в четверг. В другие дни не выходят.

Дина отнесла газету наверх и развернула на столе.

Полос было четыре.

ЗАТУРИНСКАЯ ХРОНИКА. № 40 [2075]. Четверг.

ПРОИСШЕСТВИЯ В ночь на среду на ул. Заречной вскрыли палисадник у дома № 12. Похищены три доски ограждения. По имеющимся данным, доски не обнаружены. Проверку проводил тов. _____. На перекрёстке Садовой и Полевой при манёвре задним ходом грузового автомобиля повреждён водосточный жёлоб. Ущерб оценён в 340 рублей. Дело закрыто.

НЕЗАКРЫТЫЕ ДЕЛА Незакрытых дел за отчётный период не имеется.

ОБЪЯВЛЕНИЯ Продам дрова колотые. Самовывоз, По-

левая. Требуется сторож на лесопункт. График сутки через двое. Типография Гущина. Бланки, формы, ведомости. Выполним любой заказ.

ЗНАКИ НЕДЕЛИ Овен. Неделя потребует внимания к бумагам. Телец. Неделя потребует внимания к бумагам. …

Дина читала так, как читают протоколы: сначала цифры, потом формулировки, потом всё остальное.

Номер был сороковой. Дина посмотрела на число и вспомнила тридцать девять подшивок. Без малого сорок лет, а счёт шёл четвергами: один выпуск — один четверг. Сколько их выйдет за год — Дина не считала, ей важен был порядок: день за днём, номер за номером. Число «сорок» стояло на шапке газеты, и тридцать девять — на последней подшивке. Может быть, город считал себя номерами, а не годами: год — это число оборотов, а номер — каждый четверг; и каждый январь счёт начинался снова, будто город не помнил, сколько раз уже начинал. Дина отложила эту мысль, как откладывают вещь, для которой ещё нет полки.

Происшествий было два. Дина вернулась к цифрам: три доски, триста сорок рублей, дом двенадцать, два события за неделю. Мало. Потом вспомнила: «Работы у вас будет мало», — и продолжила.

Пробел на месте «тов.» стоял отлитый, ровный, той же ширины, что и в тридцати девяти подшивках. Номер был свежий — пробел был тот же. Время не постарело в нём ни на день: пробел, отлитый при первом номере, лёг в свежий

номер, как ложится в уже напечатанный. Дина посмотрела на пробел дольше, чем на остальное, — в ней уже сидел счёт.

Рубрика «Незакрытые дела» занимала одну строку. Строка была одинаковой каждую неделю — это Дина узнала не из номера, а из подшивок, где иное не встречалось. Дина отчеркнула эту строку ногтем: строка не менялась дольше, чем живут люди. Сколько выйдет четвергов за всё время — если считать по номерам, — и строка стояла, как стояла. Город держал строку, как держат стену: не потому, что нужна, а потому, что всегда была.

Столбцов гороскопа было двенадцать. Дина прочла первый, потом последний. Потом два наугад, из середины. Тексты совпадали слово в слово, до точки.

Знаков Дина не проверяла. Проверять было нечего: от гороскопа здесь не зависело ничего, кроме вёрстки столбцов, а столбцы совпадали и без неё.

Дина свернула газету и задержалась на дате. «№ 40 [2075]. Четверг». Ни числа, ни месяца, ни года. Номер не называл времени — номер был временем. Газета выходит в четверг, четверги считаются номерами, и время в Затуринске идёт не по календарю, а по типографской нумерации. Дина подумала об этом и положила газету на стол, не записав: записывать было нечего, мысль не была фактом.

* * *

На седьмой день она сверила номер с городом.

Палисадник у дома № 12 по Заречной стоял с дырой в ограде: три доски отсутствовали, соседние держались. Дыра была свежая — торцы досок светлые, земля под ними не промёрзла.

Жёлоб на перекрёстке Садовой и Полевой был помят посередине, с полосы тёмного следа вдоль бордюра. След тянулся метра три и кончался там, где жёлоб отходил от стены.

Оба факта сходились с номером. Сходились так, как сходится ведомость с кассой: без остатка.

Она вернулась домой, сложила газету и перечитала её на этот раз целиком.

Фамилий в «Происшествиях» не было. Под заметками не стояло имён корреспондентов. Под гороскопом не стояло имени астролога. Под шапкой не стояло имени редактора — стояло «редколлегия».

Имя в номере было одно.

Типография Гущина.

Она повторила это про себя. Номер не имел автора, не имел даты, не имел года — имел только два числа: номер и сквозной. И была типография, которая его печатала. Как будто газету выпускал не человек, а сам четверг: время приходило, печаталось и сбывалось.

Вырезки она в этот раз не делала. Она положила газету в стол, к первой тетради, и легла. Сороковой номер остался лежать — первый, напечатанный без неё, и проверять в нём было нечего.

Она уже гасила свет, когда вспомнила, что в её собственной жизни тоже был «первый, который пришёл без неё»: номер, напечатанный до её первой сводки. Как было ли, чтобы город когда-нибудь начался? Она подумала об этом и уснула, и ей приснилось, что она листает подшивку, которая начинается не с сорокового номера, а с первого — и что первый номер выходит по четвергу, а под ним стоит печать без года.

Она уснула, и во сне рябь на телевизоре шла ровно, как шла наяву: время текло по экрану, не спрашивая, смотрит ли кто.

Глава четвёртая. Свобода

Вызов пришёл в понедельник, в девять вечера.

— Позднякова, — сказал Подрезов по телефону. — Улица Свободы. Сумку вырвали. Утром посмотришь.

Улица Свободы шла от почты вдоль склона к Тихой. Она прошла её наутро и насчитала от почты до дома двести шагов. Фонари кончались после восьмидесятого; дальше шли восемь тёмных домов, а за ними туман, который поднялся с реки за час до сумерек.

Она записала время в тетрадь — не потому, что была нужна точность, а потому, что привыкла: восемнадцать сорок, восемнадцать пятьдесят пять, без двадцати семь, без пяти семь. В Екатеринбурге время было инструментом: на нём строили версии. Здесь она ещё не понимала, что время здесь не инструмент, а хозяин: оно не даёт строить версии, оно выдаёт сроки. Но запись легла в тетрадь, как ложилась всегда, — и скоро ей будет чему удивляться.

Пенсию Позднякова получила в понедельник к обеду. В восемнадцать сорок вышла от соседки — та живёт через двор, они пили чай. В восемнадцать пятьдесят пять она была дома: сумка пустая, в канаве у дома № 14, деньги исчезли.

Она осматривала в тумане. Земля промёрзла за заморозок и следа не держала. Куст, в котором лежала сумка, был сухой, сумка — целая, молния расстёгнута. Ключи, очки и кошелёк

остались в сумке; кошелёк был пустой.

У Поздняковой дрожали руки. Она наливала чай и говорила:

— Он был сзади. Толкнул — и всё. Я даже не упала.

— Рассмотреть успели?

— Там темно. В свете не увидишь и с фонарём.

Она повторила про себя вопрос: «Рассмотреть успели?» Успели. Слово из её девиза — «успели» — вышло само, как выходит привычное. В Екатеринбурге «успели» значило «до того, как». Здесь, как она начинала понимать, «успели» значило «до того, как напечатали». Она ещё не знала, что это одно и то же и что разница только в том, чем измерять время.

Соседку она опросила в среду. Та сидела весь вечер без света, потому что экономила, — окно её на улицу, но за стеклом в темноте ничего не видно.

— Слышали хоть что-нибудь?

— Никто не слышал. Но был кто-то, конечно. Без кого-то не бывает.

Она записала: без кого-то не бывает. В этом городе она уже слышала, как говорят о том, чего нет, так уверенно, как говорят о том, что есть. Она записала и время, перепроверила у себя: пятнадцать минут темноты, восемнадцать сорок — восемнадцать пятьдесят пять. Окно.

Собака у дома № 16 не залаяла. Хозяин сказал:

— Всегда лает.

Окно получилось чистое само. Она перепроверила вре-

мя у всех, кто мог проходить: женщина у колонки вышла в девятнадцать ноль пять, сосед — в девятнадцать двадцать. Между без двадцати семь и без пяти семь по улице не проходил никто. Пятнадцать минут, тёмный участок, туман с реки.

Она нашла это окно за час.

* * *

Во вторник она сдала сводку. Два происшествия, как и положено:

На ул. Свободы неизвестным совершено открытое хищение сумки у гр. _____, 19 г. р. Деньги не обнаружены. Потерпевшая осмотру места не препятствовала. Мероприятия продолжаются. По ул. Речной ветром сорвано крашеное железо с крыши дома № 9. Ущерб оценён в девяносто рублей. Дело закрыто.

Сомов лист не читал, а провёл глазами по строкам и отложил.

Она заметила, как он листает: глаза шли по строкам так, будто в них не было содержания, а был только срок. Провёл — и отложил. Она ещё не знала этого человека, но уже видела: он читает не текст, а уложился ли текст в форму. Форма была старше него; текст приходил, форма оставалась.

В четверг вышел номер сорок первый. Она купила его у Пелагеи Ивановны и развернула на столе.

ПРОИСШЕСТВИЯ В понедельник на ул. Свободы неиз-

вестный вырвал у гр. _____ сумку с деньгами. Следов борьбы не установлено. Дело закрыто. В воскресенье на ул. Речной ветром повреждено кровельное покрытие дома № 9. Дело закрыто.

Она сверила заметку с протоколом. Совпадало всё: улица, время, формулировка. «Неизвестный» стоял на месте её «неизвестным». Пробел на месте фамилии стоял отлитый.

Последняя строка не совпадала.

В её протоколе было: «Мероприятия продолжаются». В номере было: «Дело закрыто».

Она доехала до отделения и открыла журнал. Против строки о грабеже стояла отметка: «закрыто». Чернила не её, ручка та же, что у всех строк журнала.

— Кто закрыл? — спросила она у Подрезова.

— Ну как кто. — Он не поднял головы. — Закрыто же.

Она ждала продолжения. Продолжения не было: для него это был полный ответ — «закрыто же». Он сказал это так, как говорят «четверг же» или «восемь же»: не о действии, а о расписании. Дело закрылось не кем-то — делу настал срок. Она записала это в памяти прежде, чем в тетрадь: закрывается не человеком, а сроком.

Вырезку она сделала из второй полосы. Стояла она первой строкой, под рубрикой «Городская жизнь»:

Котельная переходит на зимний график. Топливо завезено в полном объёме.

Она вырезала её по линейке и положила в тетрадь. Про-

веряемая строка. К следующему четвергу она зайдёт на котельную.

Она посмотрела на вырезку и поняла, что строка — про график. «Переходит на зимний график». Вся газета — про графики: зимний, сутки через двое, по четвергам, ежедневно. Город печатал свои расписания и называл это новостями. Она вложила вырезку в тетрадь и закрыла её.

Вечером она открыла тетрадь и записала:

«Грабёж, ул. Свободы. Сходится всё, кроме виновного».

Ниже:

«Дело закрыто. Мною — нет».

За окном туман стоял над Тихой, и в полу теплило от печи. Она посмотрела на часы на столе — свои, снятые во второй вечер. Они шли. Она перевела взгляд на тетрадь и подумала: время здесь не в часах, а в четвергах. Часы шли, четверги считали.

Глава пятая. Пустышки

Котельную она проверила в четверг, по дороге к Пелагее Ивановне. Труба дымила ровно, без прорывов. Во дворе стоял полный доверху, укрытый брезентом штабель угля, брезент прижат досками. На вахте сидели двое. Один пил чай, второй играл в шашки сам с собой.

— Топливо весь завезли? — спросила она.

— Весь, — сказал тот, что с чаем. — С понедельника — по зимнему. Двое на вахте, как положено.

Он сказал «как положено» с той же интонацией, с какой Подрезов говорил «у нас всё закрывается»: не тайну, а достижение. «С понедельника — по зимнему» — строка из вырезки, слово в слово. Она открыла тетрадь и поставила против вырезки № 41 галочку.

Сошлось.

Она посмотрела на штабель: уголь был сложен так, что видно было не годы, а дни — верхний слой свежий, нижний осел. Газета написала, что топливо завезено, — и оно завезлось. Может быть, оно завезлось и раньше, но она знала: проверяется не то, что было, а то, что напечатано. Напечатанное сбывается по графику, как зимний график с понедельника.

Бланки она заказывала у Гущина — так сказал Подрезов, когда она спросила, где брать протокольные формы.

— У Гущина. Мы у него всё заказываем. Он у нас один.

Типография стояла на Мельничной, триста десять шагов от отделения. Она насчитала. Окна были забрызганы краской изнутри, и сквозь краску виднелись силуэты железных станков.

Внутри пахло свинцом, краской и горячим металлом сразу. У стены стояла наборная касса — наклонный шкаф с сотнями ячеек. За кассой сидел человек лет пятидесяти, в фартуке, с металлической пластинкой в руке.

— Гущин? — спросила она.

— Он. — Человек оглянулся. — Чего надо?

— Бланки. Протокольные, десять штук. Ведомости на топливо, пять.

Гущин взял карандаш, записал на клочке обёрточной бумаги и отложил.

— К пятнице.

— Вы один всё делаете?

— Один. Набор, печать, резка. — Он вернулся к кассе. — Разве что подпись чужая бывает.

Она не спросила, чья.

На столе у окна лежала полоса в наборе — будущий номер, металл ещё не заперт в раму. Она наклонилась. Строки стояли ровные, перевёрнутые, как в зеркале. Между словами, на месте заметок о происшествиях, стояли полосы пустого металла — гладкие, без буквы, одинаковой ширины.

— Это что за литеры? — спросила она.

— Пустышки. — Гущин не обернулся. — Пробелы.

— Почему они отлитые? Пробел набирают шпациями.

— Так в макете. — Он поставил пластинку в ячейку. — Макет из редакции. Я печатаю, что в макете.

— А если в макете ошибка?

— Тогда в номере ошибка.

Он сказал это без нажима — как говорят «дождь пойдёт, если тучи»: не про вину, а про природу. Она посмотрела на пустышки. Они стояли в наборе до того, как пришли заметки, — вчерашние дыры под завтрашние строки. Время здесь ставило дыры раньше содержания: пустышки не ждали текста, текст ждал пустышек.

— Пустышки давно делают? — спросила она.

— Литейка старая. — Гущин кивнул на угол, где стояла форма. — Отливают, как отливали. Не меняли.

— А формы?

— Формы не меняют. — Он взглянул на неё. — Зачем? Пробел один на все годы.

Она не записала этого, но запомнила: форма без возраста, пробел один на все годы. Сорок лет — и одна форма. Время в городе не меняло своих инструментов: оно печатало одними и теми же, потому что менялось не оно, а только то, что оно пропускало.

Бланки она забрала в пятницу. Формы были чистые, с графами, с линиями для рукописных строк. Внизу каждой стояло: «Типография Гущина».

— Вы же писали в объявлении — любой заказ, — сказала

она.

— Пишу, — сказал Гущин. — Любой. Что закажут.

* * *

В номере сорок втором она проверила своё: грабёж на Свободе не перепечатывался, котельной строки не было — эта заметка отработала своё. В «Происшествиях» стояли две строки её сводки — дорожное на Садовой и драка у столовой, и третья, следом: гр. Лялин Г. П., 1982 г. р., выехал на постоянное место жительства в Сосновку.

Отдельно, не в номере, сошлись и две другие приметы: пристройку у Пелагеи Ивановны она видела сырой ещё в субботу, борт — у колонны лесовозов, которую считала в пекарню. Этих строк в газете не было — они были только в её тетради.

Происшествий снова было два. Строк — три.

Она записала в тетрадь:

«Гущин. Печатают с макета. Пустышки — литые, одинаковой ширины. Одинаковой — со всеми подшивками».

И ниже:

«Что закажут».

Она перечитала последние два слова и задержалась на них. «Что закажут» — не «кто закажет». Форма заказывала сама, и форма была одна. Она закрыла тетрадь, не дописав того, что почти дописала: «кто заказывает пустышки» —

этот вопрос она отложила, потому что ответ в городе был всегда один и тот же, как форма: «заказ есть заказ».

Перед сном она ещё раз переложила то, что скопилось за две недели: сороковой лежал целиком — первый, напечатанный без неё; из сорок первого была вырезана котельная; сорок второй она развернула на столе и проверила, не резав. Вырезка была одна, и строка в ней была — та, которую можно проверить. Между номерами, между четвергами, лежали дни, которых не было ни в одной вырезке: дни не печатались. В Екатеринбурге время делили на часы; здесь время делилось на номера, и между номерами не было ничего, кроме очереди за хлебом и тепла в полу. Она уснула, и ей приснился наборный цех: печатный станок работал сам, без человека, и оттиски ложились ровной стопкой — по одному на четверг.

За окном стоял иней, и дым из трубы пекарни шёл вертикально — ветра не было. Иней стоял так, как всё в этом городе: до срока, который знал только он.

Глава шестая. Семнадцать причин

В субботу, после обеда, она пошла в архив.

Теперь не за штампами — за текстами.

В первый заход она читала заметки как бухгалтер: закрыто — закрыто. Теперь читала как протоколы: по обстоятельствам. Подшивки она выносила на стол по одной и читала каждую заметку до конца. Заметка — четыре строки, но протокол прячется и в четыре.

К вечеру на обороте бланка стоял столбец.

Пожары: короткое замыкание. Необслуженная печь. Окурок. Неисправная проводка. Дороги: гололёд. Плохая видимость. Превышение скорости. Водопровод: износ коммуникаций. Прорыв. Кражи: окно не заперто. Имущество оставлено без присмотра. Ворота не заперты. Драки: позднее время. Спиртное. Темнота. Прочее: неосторожность. Несоблюдение техники безопасности.

Всего — семнадцать формулировок.

Шестьсот восемьдесят четыре события за все годы — и семнадцать причин. Она пересчитала дважды: семнадцать. Восемнадцатой не было. Она долго смотрела на столбец, и ей вдруг пришло в голову, что семнадцать причин — это семнадцать формул, а формулы не стареют. Сорок лет, почти пятнадцать тысяч дней, шестьсот восемьдесят четыре события — и ни одной новой причины. Время у города не порождало

нового: оно перебирало старое, как перебирают колоду, из которой не вынимали ни одной карты.

В Екатеринбурге нераскрытым оставалось каждое десятое дело — и это считалось хорошим годом: нераскрытое доставалось тем, кто ещё не научился закрывать. Вероятность здесь она не считала — её не считают, её знают: так не бывает. За сорок лет не случилось ни разу.

Свидетелей заметки не называли. Где свидетель был нужен, стояло «по имеющимся данным». У имеющихся данных не было источника. И не было срока: данные не имели «когда», только «дано». Она выписала и это: «по имеющимся данным» — настоящее время без прошлого.

Следы город рисовал неровно. Где след принадлежал вещи, вещь стояла в заметке до копейки: вмятина на жёлобе, три доски, сгоревший сарай. Где след принадлежал человеку — «не установлено». Каждый раз — «не установлено».

Мотивы она пересчитала отдельно, хотя уже знала ответ.

Ноль.

На первой подшивке карандаш замедлился.

Подшивка восемьдесят седьмого года. В ней, на семи заметках, рядом с отлитым пробелом стояли имена — рукописные, чернилами. В остальных тридцати восьми подшивках рукописного не было ни одного: все сорок лет были напечатаны. Она посмотрела на семь имён, не тронула их и пошла дальше.

Но отметила про себя: рукопись — это то, что не напеча-

тано. Семь имён за сорок лет вышли из-под руки — и не сбылись, потому что их не напечатали. Написанное не случается. Она вспомнила эти слова — их ей ещё предстояло услышать от живого человека, — и пошла дальше по подшивкам, где рукописного не было ни в одном году.

Наверху, в коридоре, пахло морозом. Она вышла на крыльцо и остановилась.

Шёл снег. Вертикально, без ветра — так вчера шёл дым. Ложился ровно, как бы отмеренный.

Фонарь у моста мигал — сквозь снег, менее уверенно.

Она посмотрела на снег: он шёл ровно, как шли строки по подшивкам, — отмеренный, без сбоя. В городе снег выпадал по расписанию: ранний в этом году, как сказали у пекарни. Она уже знала, что здесь у всего есть срок, даже у снега, — и что сроки эти объявляет не календарь, а что-то другое, чему календарь только подражает.

Утром в воскресенье снег лежал на ладонь. Следы от крыльца до моста были единственной строчкой: до неё никто не прошёл.

В очереди у пекарни говорили про снег.

— Ранний, — сказала женщина в платке. — Обычно до Покрова держится.

— Ляжет — теперь уже до весны, — сказал старик.

Оба были правы.

«Обычно до Покрова», — повторила про себя она. И в этом городе сказанное сбывалось: снег лёг и будет лежать до

весны, потому что так напечатано в разговоре, в примете, в сроке. Она ещё не умела отличить примету от закона; город не отличал тоже.

Вечером она записала в тетрадь:

«684 события. Причин — 17. Свидетелей — 0. Следов человека — 0. Мотивов — 0. Апелляций — 0. Оправданных — 0.

«Здесь нераскрытых нет. За сорок лет — ни одного.

«Мотив можно спрятать. Мотив нельзя отсутствовать».

Про снег она не записала ничего: для снега в тетради не было графы.

В понедельник она вернулась в архив, чтобы довести счёт до конца. Она проверила ещё раз: семнадцать причин, ни одной восемнадцатой. И впервые позволила себе заметить то, что замечала и раньше, но откладывала: причины не имели сроков. «Короткое замыкание» — без года, «гололёд» — без месяца, «позднее время» — без числа. Семнадцать причин стояли вне времени, как стоят формы в литейной: их не печатали по годам, их держали на все годы. Время в городе не имело для причин графы «когда»: причины были всегда, как были всегда четверги.

Она закрыла подшивку и посмотрела на свои часы — они стояли на столе в кабинете, куда она переложила их из комнаты. Часы шли. Она сняла их, послушала и положила обратно. В этом городе она училась вести время по-другому: не по часам, а по подшивкам, по номерам, по срокам. Часы

шли, а город стоял — и это был не парадокс, а устройство. Часы были её, город был время.

Глава седьмая.
Внимание к бумагам

Во вторник она сдала сводку. Два происшествия, без фамилий, вторая неделя подряд. Сомов полистал, вычеркнул «в результате чего» второй раз на этой неделе и вернул.

— Опять двое, — сказал он. — Мало.

— Сезон.

— Сезон, сезон. — Он посмотрел на неё. — В Сосновке побольше бывает.

Это прозвучало как упрёк, и она не поняла, кому.

После смены она пошла к колонке.

— Крепчает, — сказал старик в бушлате и подставил ведро под струю.

Вода шла ровно, без плевков. Колонку не размораживало.

— Неделя потребует внимания к бумагам, — сказал он.

Строка не была обращена к ней. Он сказал её так, как говорят «ожидается похолодание»: не мысль — сводка.

Она не ответила. Она набрала воду и понесла ведро.

Но строка осталась. «Неделя потребует внимания к бумагам». Не «люди недели», не «дела недели» — неделя сама требовала. Словно время имело здесь голос и требования, и голос этот был выучен наизусть. Она пронесла ведро и всё думала: так говорил старик — или так было напечатано, и он

только повторил? Разницы она ещё не понимала. Она понимала только, что строка пришла из номера, а старик сказал её как свою.

Вечером, в четверг, она достала номер сороковой и нашла столбец. Строка стояла первой. Слово в слово.

Она достала тетрадь и записала:

«Старик у колонки, бушлат. Строка — из № 40. Слово в слово.

«Про зиму он говорил тоже. Про зиму — своими словами».

Она перечитала. «Своими словами» она подчеркнула — не зачёркивать, не править: то, что было, было.

И приписала ниже, уже не карандашом, а чернилами, как пишут то, что хотят отделить:

«Газета сказала — он сказал. Кто первый?»

Строка вышла вопросом, но она знала, что вопрос неверный: в этом городе газета всегда первая. Позже, много позже, она поймёт, что вопрос надо ставить иначе — «когда сказала», — и что слово «когда» здесь важнее слова «кто». Но пока она написала как умела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.